

Андрей Промышленный

Шесть бесцветных часов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55339440

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-99115-6

Аннотация

Постсоветский мир. Земля, покрытая необъятной вереницей кровотокающих ран от захватывающих дух глобальных экспериментов. Милый, дивный мир. Не каждому дано восхититься этим величием. Но действительно ли мы видим то, что окружает нас? Может, стоит уже попробовать действительно открыть глаза?

Содержание

Час первый	4
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Андрей Промышленный

Шесть бесцветных часов

Час первый

Мрак. Смрад. Холод. Родная неясность – самое дорогое, что есть в жизни.

Чёрный. Серый. И куча невнятных оттенков.

Линия. Вторая. Плоскость. Третья. Пространство. Простейшие формы, состоящие из одних углов.

Раннее утро. Холод, пробирающий насквозь, так дерзко пугающий яркого обывателя. Линия. Множество неуклонно прямых линий. Элементарные линии зданий, дворов, кварталов, городов, всего мира, как кажется. Дома. Сумасводящие дома-близнецы. Стена к стене, слияние нескончаемых монументальных образов. Урбанический хохот. Невообразимое множество одноликих муравейников.

Линия, другая. Ячейка.

В каждой ячейке по яростному вскрику, томному рыданию, обескураженной истерике, робкому всхлипу или мирному сопению, что разбавлены лишь завыванием снежного ветра. По принуждённому огоньку типовой судьбы, что уже

ничего никогда и не осветит. Пёстрые существа в противопоставление самим бетонным ячейкам, что так злобно мнут всю их яркость. И только они. Подростки, дети, старики, уголовники и тюремщики. И все такие яркие. Ослепнуть можно. И все прячутся за серыми сводами, покрытыми не сходящим инеем.

Или же... Не все?

Улица. Несколько параллельных линий сходятся едва различимой точкой вдалеке. Всё те же два цвета. Скучная горстка оттенков.

Чуть выше. Миллионы пересекающихся, идеально расчерченных когда-то линий, всё та же горстка оттенков.

Нескончаемая улица. Идеальная геометрия. И одна маленькая ошибка, скромная иррациональность со смелым шагом, нарушающая всю идиллию – человек. Во всё тех же безжизненных цветах. Уверенная, но уже смертельно усталая походка вдоль панельной бесконечности, поношенная ветошная одежда, нарочито расстёгнутая навстречу смрадному ветру, тряпичная куртка, волосы, переливающиеся серыми оттенками, что так стремятся к небу, лицо агрессивно-угловатых черт в ответ на глупые квадраты панельных домов.

Несвойственное этому времени лицо, не скрывающее искренней любви к жизни и полного осознания происходящего. Выверенные шаги по грязному снегу, серый, сфокусированный взгляд, внемлющий холоду, столь чуждый другим,

скромная улыбка по уголкам потрескавшихся губ.

Лаконичные комбинации цвета, быта и погоды. Серое небо, чёрная дорога с серым, беззвучно погибающим снегом, чёрные разошедшиеся швы меж домов. Лёгкое касание долгожданного тепла к скромному чуду выселенной из города природы. И совершенные узоры исчезают безвозмездно, уступая место асфальту. Вездесущая весна как хранитель новых смертей. Абсолютно безжалостных и абсолютно неприемных для миллионов пар глаз. Никто и не обратит свой мелочный взгляд на вселенскую гибель действительно прекрасного.

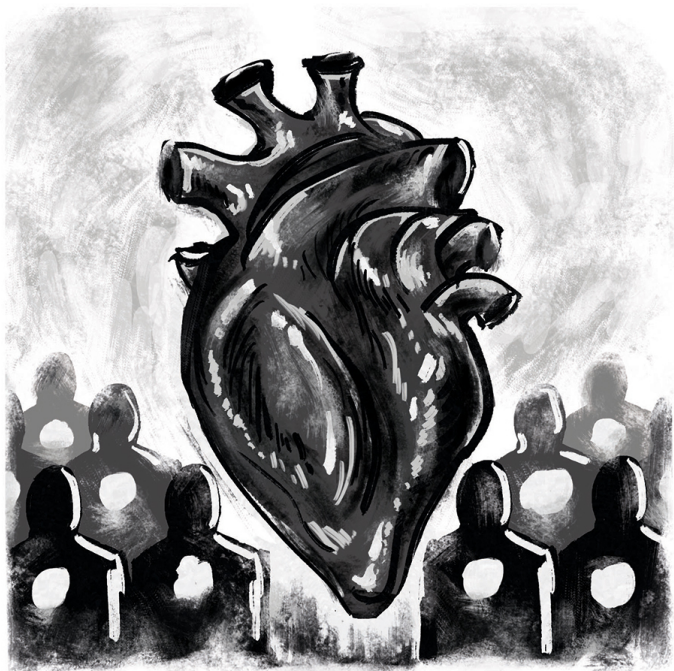
Шаг. Вновь шаг. И ещё один, окончательно разрывающий статичную картинку.

Квартал, за ним ещё один.

Однотонный, уходящий вдаль полумрак, который боятся разбавить даже окна своим робким электрическим огнём за продрогшими облупившимися деревянными рамами окон и бесценным хламом балконов.

Ветер, отражаясь от стен, завывает пущим свистом.

Очарование ледяных гигантов, созданных некогда великими руками, согревающих миллионы цветных туш. Жалость самоскроенной, тряпичной оливковой куртки, что прячет одно бесцветное сердце, так громко стучащее в груди.

Но и с величием создателей бетонные коробки уже из последних сил сдерживают вселенские морозы. И вот, уже спустя беспечную смену былого величия на приторные конфеты жителей, они пытаются затеряться в пыли истории. Кто бы позволил. Жизнь, не прекращая своего движения ни на

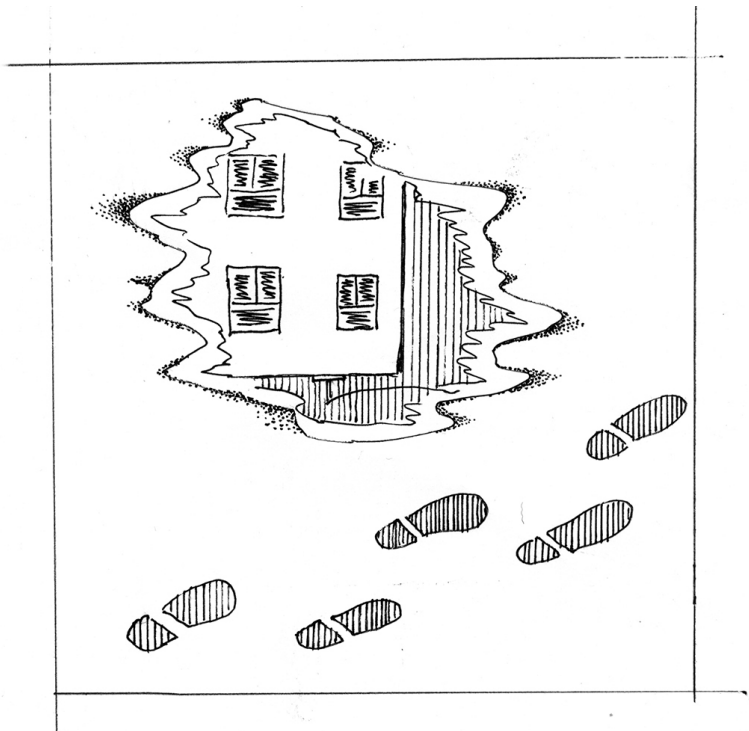
миг, щедро дарует им самое терпкое, что может дать: снега, дожди, грозы и бесконечные ветра с холодным светом полуночной, едва различимой луны.

Пёстрые люди же, в свою очередь, лишь пытаются блеснуть своей безмерно богатой внутренней пустотой. Окончательно разобщившись, они то царапают на больных, измождённых годами стенах свои бесцеремонные пёстрые рисунки, то – в противовес – закрашивают и пытаются обклеить их всем, чем только можно, с пущей бесцеремонностью и пошлостью насилуя изнывающие стены.

И вновь этот человек. Уверенное дыхание, сразу же оседающий пар. Мысли, ворох лишних рассуждения, вереница надежд. Утренним щелчком исчезнувший свет уличных фонарей, словно ещё более сгущавший утреннюю тьму.

И вот он, новый цвет... Блёкло-алый круг тоскливо поднимается из-за крайней линии бесконечных бетонных нагромождений в конце улицы. Слабые лучи утешающе скользят по неприглядным стенам, отражаются от одиночества окон, рассеиваются на продрогшем асфальте, путаются в костре седоватых волос героя. Восход. Такой чуждый цветным, восход! Сладко сопящим за обмёрзлыми стенами людям, утопающим в своих мелочных мечтах, цветастых снах. День за днём, за годом год. Несчётное количество растерянных первых лучей. Маленьких глобальных рождений. Невольная, плохо различимая улыбка на бесцветном лице. Глубокий морозный вдох полной грудью, пробивающийся на мурашки и ма-

ленькое счастье.

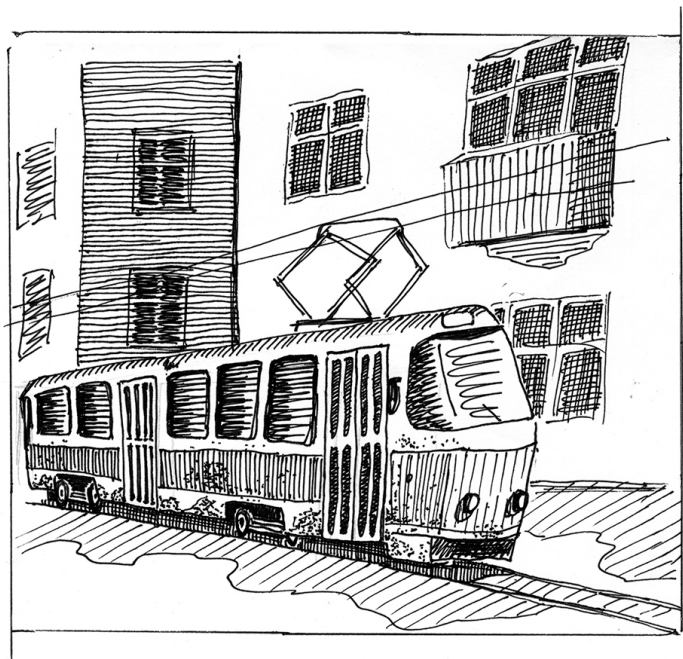

Лужи – последствия незамеченных смертей. Пустые суждения. Перевернутый, но всё тот же самый мир, изображённый на плёнке воды. Призма бесконечных, нескончаемых

смертей.

Тихий вздох. Поворот. Новая улица. Взгляд, скользящий по четырём узеньким полоскам металла, уходящим вдаль.

Усталый шелест металла. Выцветший, дешёвый, красный отражается в глазах.

Уставший в тон ползёт по направляющим дорожкам ржавый умирающий вагончик, моргая коротящими фонарями. Неясно, кто старше: вагончик или сам бетонный функционализм вокруг. Неважно, кто чувствует себя хуже. Очевидно лишь, что созданы они были для иного времени. Сейчас же ими владеют умы более самолюбивые. Самолюбивые, но не безбожные. Никто и не отменял религию корысти. Умы эти и выгоняют умирающий уже третью жизнь подряд вагончик, крашенный поверх ржавчины в очередном желании урвать ещё немного.

За лобовым стеклом сидит ещё не бесцветный, но уже довольно блёклый, изношенной наружности человек, в салоне и вовсе пусто.

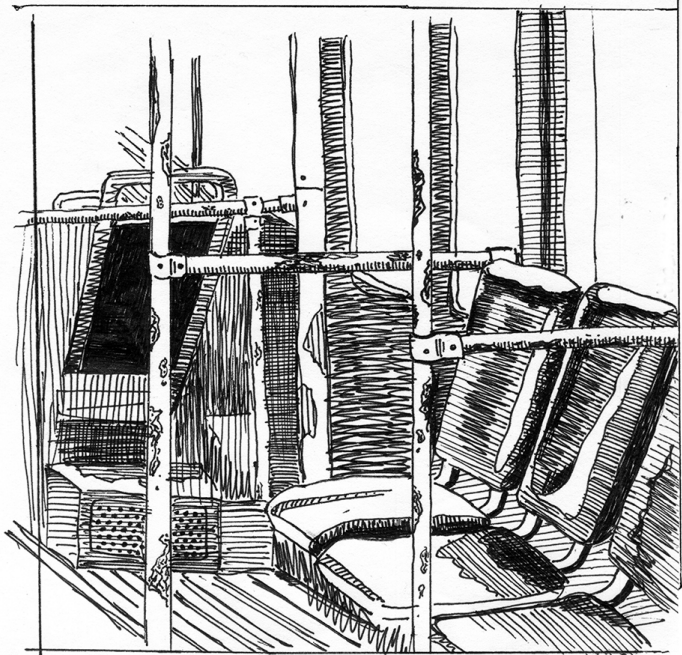
Шаг, ещё один. С тяжким скрежетом захлопнулись за спиной двери. Опущенная монета в монетоприёмник. Монетка, крошечная нехитрая плата за аттракцион надругательства над трупом. Сочувствие от бессилия, пронзающее насквозь. Внутри вагона столь же холодно, пропал лишь ветер, завывающий теперь по бортам вагона. Поломанные обогреватели вдоль стенок, прозябающие штампованные железные кресла, прогнившие кромки оконных проёмов.

Проплывающее былое счастье за треснувшим и нецензурно расцарапанным окном. Отвлекает лишь изнуряющий скрежет металлического сердца. За стеклом проплывает однообразие изувеченных гор серых зданий, пустые дороги, за-

брошенные памятники героям былых времён.

К сожалению, цивилизация не может вмиг раствориться в веках. Дома забрызганы нелестными рисунками, дороги залатаны битым кирпичом, в руках у человека на монументе, конечно же, пустая бутылка из-под дешёвого алкоголя. Бесконечный круговорот, вечная сменяемость идеалов и религий. Никто не способен создать что-то вечное, особенно в этом пёстром мире. Никто не способен сохранить и личную святыню. Особенно в этом пёстром мире.

Серо-чёрный взгляд неожиданно вздрагивает, не желая терпеть такое, и плавно, но довольно небрежно, скользит по салону. Металлические, вечно ледяные поручни, затёртая до дыр карта нескончаемого города, заколоченные передние двери, редкие мерцающие фонари в салоне. Холод. Кажется, вечный. И трепетное счастье быть родным этому холоду. Чуждые любому другому, но столь тёплые мысли, что не впускают в душу и частицу окружающей мерзлоты, не отрицая всё её изыщество. Поворот. Рост скрежета по кривым рельсам, пошатнувшийся вагон.

Остановка. Вновь закрытые за спиной двери, новые шаги. Улица. Всё такие же дома. Завывающий ветер поднимает с крыш снег и щедро осыпает холодом всё вокруг. Кривые витрины с потребительскими лозунгами на первых этажах. Неудачные коммерческие наросты, вредители на бетонных телах, наглухо заколоченные на неопределённый срок.

Обклеенные поверх множеством мелких рекламных бумажек-призывов призыв купить новую безделушку. Невольный смешок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.